

ТРОФИМУК АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

3(16).08.1911, д. Хветковичи Рогозянской волости Кобринского уезда Гродненской губ. – 24.03.1999, Новосибирск

Действительный член (1958), член-корреспондент (1953) АН СССР, доктор геолого-минералогических наук (1949), профессор (1969). Геолог-нефтяник. Специалист в области генезиса углеводородов, прогноза нефтегазоносности, нефтяных и газовых месторождений.

УЧЕНЫЙ С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ*

А.А. Трофимук – крупнейший советский исследователь в области геологии и геохимии, поисков, разведки и промышленного освоения нефтяных и газовых месторождений, автор 460 научных работ, являющихся крупным вкладом в мировую и отечественную науку, выдающийся организатор академической науки в Сибири.

Младший сын из простой рабочей белорусской семьи, став выпускником Казанского университета (1933 г.), А.А. Трофимук посвятил свою жизнь поискам и изучению углеводородного мине-

* За науку в Сибири. 1981. № 33 (20 авг.).

рального сырья (нефти и газа), которое в наш бурно развивающийся двадцатый век стало сырьем № 1. Нет, пожалуй, другого вида сырья, добыча которого характеризовалась бы столь низкой себестоимостью, была бы так рентабельна и важна для общества и обладала бы такой сложностью и трудоемкостью проведения поисково-разведочных работ. Поэтому на поиски и разведку нефтяных и газовых месторождений в настоящее время геологи тратят почти половину всех отпускаемых им средств, и одним из ведущих научных руководителей этой огромной армии нефтяников-геологоразведчиков является единственный в нашей стране действительный член Академии наук СССР в области нефтяной геологии — А.А. Трофимук.

В начале своей трудовой деятельности Андрей Алексеевич работал в Башкирии (1933—1950 гг.), где он в кратчайшие сроки научно обосновал методы поисков новых нефтяных месторождений и выявил в тяжелые годы войны крупные промышленные скопления нефти. За эти выдающиеся заслуги в 1944 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1946 г. за открытие девонской нефти «Второго Баку» он был удостоен Государственной премии СССР (Сталинской премии I степени. — *Прим. редкол.*).

В последующие годы в многочисленных научных работах он осветил вопросы геологии и нефтеносности «Второго Баку», дал тектоническое районирование Урало-Волжской нефтяной области, для интенсификации добычи нефти обобщил опыт обработки скважин соляной кислотой, научно обосновал и успешно применил на практике возможность интенсивной разработки Туймазинского месторождения посредством законтурного заводнения. В 1950 г. был удостоен за это Государственной премии СССР (Сталинской премии I степени. — *Прим. редкол.*). Данный метод получил широкое распространение по всей стране и дает сейчас огромный экономический эффект.

Затем, перейдя на работу в Москву, в Министерство нефтяной промышленности СССР, он возглавил геологическую службу страны по поискам и разведке месторождений нефти и газа, и под его руководством был открыт ряд месторождений в Татарии, на Украине и других районах страны. Потом он стал директором крупного научно-исследовательского института нефти (ВНИИНефть), а в 1953 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

С созданием в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР начинается второй этап яркой трудовой биографии академика Трофимука. Он становится директором-организатором Института геологии и геофизики и заместителем первого председателя отделения академика М.А. Лаврентьева. Для А.А. Трофимука как ученого характерно тесное единение теории и практики. Его научная дея-

тельность всецело направлена на диагностику нефтепроизводящих свит, выявление закономерностей образования углеводородов и формирования их залежей, обоснование стратегии поисков и прогнозных оценок запасов нефти и газа в восточных районах страны, повышение эффективности поисковых геолого-разведочных работ, создание здесь новых баз нефтегазодобычи.

Андрей Алексеевич всегда в гуще основных дел и злободневных забот нефтяников страны, всемерно содействует развитию работ по поискам нефти и газа, систематически выезжает в нефтегазоносные и перспективные на нефть и газ районы, консультирует ученых и производственников, курирует нефтепоисковые работы, принимает непосредственное, самое активное участие в разработке наиболее сложных проблем нефтяной геологии и внедрении новых высокоэффективных методов разведки.

А.А. Трофимук систематически выступает в центральной печати по вопросам стратегий и организации поисково-разведочных работ. Эта стратегия поиска, постоянно пропагандируемая ученым, обеспечила быстрое и высокорентабельное открытие ресурсов нефти и газа в Западной Сибири. Разработана региональная стратегия поисков в Восточной Сибири, территорию которой он рассматривает в качестве основного резерва для последующего развития нефтяной и газовой промышленности страны.

Андреем Алексеевичем выдвинута и внедрена идея о количественной характеристике перспектив нефтегазоносности и на основе предложенного им объемно-генетического метода, основанного на учете возможности определенных осадочных толщ продуцировать углеводороды и способности их к накоплению и миграции, совместно с другими нефтяниками разработана методика дифференциальной порайонной оценки перспектив нефтегазоносности Сибири.

Вопросы миграции нефти и газа и методы их количественной оценки исследованы в ряде работ А.А. Трофимука. Они имеют исключительно большое значение для диагностики нефтепроизводящих свит, оценки масштабов нефтеобразования и изучения условий формирования залежей нефти и газа. Книга В.С. Вышемирского, А.Э. Конторовича, А.А. Трофимука «Миграция рассеянных битумоидов» (ред. А.А. Трофимук) в 1974 г. была удостоена премии имени академика И.М. Губкина — основоположника советской нефтяной геологии.

Особенно много Андрей Алексеевич занимается южными, наиболее промышленно освоеными районами Западно-Сибирской равнины, пока не располагающими достаточными разведанными ресурсами нефти и газа. Под его руководством доказано наличие в Западной Сибири нового — палеозойского — нефтегазоносного этажа. Он вникает здесь во все детали поисково-разведочных работ, и

первые нефтяные фонтаны в Новосибирской и Томской областях получены в результате бурения, поставленного с учетом его рекомендаций.

А.А. Трофимук работает и над совершенно новыми поисковыми направлениями и методами, которые могут в ближайшем будущем привести к крупным открытиям, в частности, интенсивно содействует широкому внедрению в геолого-геофизическую практику методов прямых поисков нефти и газа (т. е. путем глубокого бурения).

Углубленное исследование условий формирования газовых залежей в зоне вечной мерзлоты Сибири привело междуведомственный коллектив ученых, возглавляемый академиком А.А. Трофимук, к выявлению залежей природного газа в твердом газогидратном состоянии. Открытие таких залежей и обоснование их значительных запасов Госкомизобретений СССР зарегистрировал в 1971 г. в качестве крупного научного открытия. В ряде последующих его публикаций (с соавторами) показаны принципиально новые механизмы формирования газовых залежей при участии гидратообразования, обосновано и доказано представление о ресурсах газогидратов и предлагаются возможные методы их разработки. Эта работа открывает новую важную страницу в проблеме формирования залежей и распределения углеводородных ресурсов на Земле.

Большое внимание уделяется А.А. Трофимук применением математических методов в геолого-геохимических исследованиях. Проведена значительная работа по созданию логико-математических средств анализа геологической информации. Разработан алгоритмический комплекс с программным обеспечением на ЭВМ, широко апробированный на задачах прогнозно-поискового профиля. Созданный метод позволяет еще до заложения нефтепоисковых скважин выделить площади, перспективные на открытие месторождений, и даже оценить их примерные запасы. Под руководством и при участии А.А. Трофимука проводятся исследования в области цикличности осадконакопления в связи с оценкой перспектив нефтегазоносности.

Большую роль играл Андрей Алексеевич в создании Новосибирского государственного университета, на геолого-геофизическом факультете которого он долгое время (1962–1976 гг.) заведовал кафедрой полезных ископаемых. Отойдя от преподавания, он продолжает активно помогать университету в решении всех трудных вопросов его жизни и работы. Возглавляемый А.А. Трофимук Институт геологии и геофизики СО АН СССР является базовым для геолого-геофизического факультета Новосибирского университета. Студенты старших курсов НГУ проходят практику в лабораториях и экспедиционных отрядах института.

А.А. Трофимук ведет исключительно большую научно-организационную и общественную деятельность.

Его трудовой день систематически начинается с 6 утра (нередко и раньше). Первые часы дня посвящены только науке. За 10–15 минут до начала рабочего дня без опозданий (хоть проверь часы!) он в институте. Все, кто имел с ним дело, знают, что А.А. Трофимук очень пунктуален – никогда не опаздывает сам и опозданий других не терпит, не забывает обещаний своих (и их выполняет) и требует этого от подчиненных, немногословен сам и не любит многословия других, сам всегда очень четко и кратко ставит задачу и требует лаконичности в ответах сотрудников.

Чтобы представить себе объем научно-организационных обязанностей Андрея Алексеевича, достаточно сказать, что кроме, как говорят финансисты, «оплачиваемой должности» – первого заместителя председателя Сибирского отделения – члена Президиума АН СССР (ответственного за руководство оперативной деятельностью научных учреждений СО АН СССР, расположенных вне Новосибирска), он имеет около 30 так называемых «неоплачиваемых должностей»: директора Института геологии и геофизики, заведующего отделом нефти и газа и председателя ученого совета этого института, председателя Объединенного ученого совета наук о Земле СО АН СССР и Научного совета по проблемам Байкала, главного редактора журнала «Геология и геофизика» (одного из самых популярных геологических журналов страны, целиком переводимого и за рубежом), координатора программы СО АН СССР «Освоение природных ресурсов Сибири» и многих других. А.А. Трофимук избирался делегатом XXIV и XXVI съездов КПСС, он член Новосибирского областного комитета КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР 6, 7, 8 и 10 созывов, очень добросовестно относящийся к своим обязанностям. Решение любых, казалось бы, самых срочных научно-производственных вопросов, стоящих перед А.А. Трофимуком, по средам всегда отходит на второй план, уступая место решению «дел депутатских» – приему трудящихся. Немалая заслуга Андрея Алексеевича как депутата в том, что строительство Новосибирского метро и газопровода в городе на Оби стало реальностью.

Все эти должности требуют незаурядных организационных способностей, исключительной собранности, умения работать с людьми разного служебного положения.

В деятельности Андрея Алексеевича как ученого и гражданина есть, если можно так выразиться, две пламенных страсти – это, во-первых, выявление и широкое комплексное освоение нефтяных и газовых богатств восточных районов страны как одна из основ

повышения могущества нашей Родины и народного благосостояния; во-вторых, желание, чтобы для наших далеких потомков природа осталась природой, а не «окружающей средой». Именно в решении этих вопросов особенно ярко проявляется высокий накал гражданственности и коммунистической убежденности А.А. Трофимука, его страстность, эмоциональность, готовность к любому самопожертвованию.

Сколько времени тратит он, к примеру, как председатель Научного совета СО АН СССР по проблемам Байкала, рациональному использованию его богатств и охране этого уникального озера — «жемчужины Сибири»! Под его руководством разработан ряд ценных указаний и предложений на основе многолетних научных исследований по рациональному использованию природных ресурсов озера Байкал, сделан вывод, что угроза загрязнения вод Байкала в результате осуществления этих мероприятий будет предотвращена. Проблема Байкала стала для Андрея Алексеевича наряду с большой нефтью Сибири делом его жизни.

Так, недавно по инициативе депутата А.А. Трофимука на заседании Постоянной комиссии Верховного Совета РСФСР по охране и использованию природных ресурсов, членом которой он является, представлен доклад о ходе подготовки ложа Богучанского водохранилища к затоплению; подняты вопросы о необходимости разработки общих правил, технических условий подготовки ложа водохранилищ к затоплению, о необходимости комплексного использования не только всех лесонасаждений, но и почв затопляемых территорий. Зная характер и обязательность Андрея Алексеевича, можно быть уверенным, что работы ему и окружающим его лицам заметно прибавилось.

Велика заслуга Андрея Алексеевича как директора в планомерном и гармоничном развитии различных современных направлений наук о Земле как в своем институте, так и Сибирском отделении.

О таких людях, как академик Трофимук, говорят «легки на подъем». Еще вчера почти весь день он работал в Новосибирске, а уже сегодня — в Москве его доклад в Госплане СССР, а дня через два надо быть где-нибудь в Якутии, Тюмени или Кызыле на выездном заседании Научно-технического совета Министерства геологии СССР и решать важные проблемы постановки поисково-разведочных работ. А.А. Трофимук неоднократно и с большим успехом представлял нашу науку за рубежом.

Зная исключительную занятость Андрея Алексеевича, можно только удивляться, что он находит время и для отдыха.

Андрей Алексеевич обладает способностью вовремя подметить и поддержать новое, оценить на раннем этапе его перспективность,

и не случайно у него много учеников и последователей. Большинство из них выросло на совместных с ним исследованиях, при его ценных консультациях, содействии и поддержке; 35 его учеников стали кандидатами, более 20 — докторами наук.

Партия и правительство высоко оценили научную, научно-организационную, производственную и общественную деятельность А.А. Трофимука. Ему дважды присуждена Государственная премия СССР. Он удостоен звания Героя Социалистического Труда, пяти орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени и медалей.

ОДЕРЖИМОСТЬ*

— Андрей Алексеевич, перестройка вступила в весьма ответственный период — период практических дел, воплощения в жизнь принятых решений. Сегодняшний день требует от нас немалых усилий, проявления лучших человеческих качеств. Нужна революционная одержимость. Но ведь не по приказу, указанию сверху люди становятся принципиальными, целеустремленными, одержимыми... Что, на ваш взгляд, способствует формированию этих качеств?

— Сознание — вот тот фундамент, на котором строится вся человеческая деятельность. В.И. Ленин отмечал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своими действиями решает изменить его». Но сознание еще надо реализовать! И тут-то никак не обойтись без убежденности, стойкости, идейности... Конечно же, какие-то нравственные начала закладываются родителями, школой. Но не за ними, на мой взгляд, решающее слово. Воспитывая молодых людей, мы можем долго и настойчиво рассуждать о высоких материях, сущности бытия; будем приводить классические примеры из истории, литературы, пичкая подрастающее поколение наставлениями, нравоучениями. Но означает ли это, что таким вот образом молодого человека можно наделить принципиальностью или одержимостью? Нет, не думаю. Только сама жизнь, окружающая действительность, с ее проблемами и противоречиями, сложностями и трудностями, целями и борьбой, пробуждает в людях социальную активность, развивает и формирует лучшие человеческие качества. И несомненно, высокие цели требуют высоких энергий!

Вспомним, например, какие цели стояли перед молодежью тридцатых годов? Пятый Всесоюзный съезд Советов утвердил пер-

* Интервью с А.А. Трофимуком. 1987 г. (Беседу вел С. Каленикин).

вый советский пятилетний план. Его задача – превратить отсталую аграрную страну в развитую державу! Люди, казалось, брались за невозможное – надо было не просто построить несколько гидроэлектростанций, заводов, фабрик, шахт, а создать развитую по тем временам промышленность, причем в максимально короткий срок! И мы, выпускники Казанского университета, тоже спешили внести свой вклад в громаду дел. Отправлялись в горы Урала и Кавказа, в тайгу и пустыни – искать крайне необходимые стране газ, железные руды, бокситы, уголь, нефть.

В предвоенные и военные годы мне довелось возглавлять поиски и добычу нефти в Волго-Уральской нефтегазоносной провинции. Специальных – «нефтяных» – знаний не хватало – имел-то я общее геологическое образование. А пришлось руководить людьми опытными, знающими, которые умели добывать нефть. Они мне говорили: что ты, парень, понимаешь в нашем деле?.. Да, отвечал я, верно, знаю мало, но вы-то люди сведущие. Так учите меня, учите, чтобы знал не меньше вас... Нефть нужна была фронту. Немцы овладели нефтепромыслами Украины и Северного Кавказа, нависла угроза захвата Баку... Поэтому район между Уралом и Волгой должен был стать главным местом нефтедобычи. Однако нефть еще предстояло найти, а она не очень-то давалась в первое время. Но неудачи не вгоняли нас в пессимизм, мы не терялись, а трезво анализировали каждый промах и тем самым приближались к успеху. Сроки многих работ сократили в несколько раз.

– Из бесед с вашими сослуживцами знаю, что ваша одержимость, Андрей Алексеевич, нередко была на грани риска. И это в то суровое время!

– Да, приходилось рисковать – нередко самостоятельно закладывали скважины, не дожидаясь необходимых согласований; изобретали, как быстрее «взять» нефть... Мы думали только о деле. И одна из скважин дала мощнейший фонтан: шесть тысяч тонн в сутки! Столько не давали все существующие промыслы. Так было открыто Кинзебулатовское месторождение. И вдруг нелепое обвинение: мол, мои коллеги пытались скрыть месторождение, ликвидировать, закрыть скважину, да вот не получилось... Абсурд какой-то. Понятно, чем это грозило в военное время. Пришлось вмешаться, отстаивать людей, защищать их от необоснованных обвинений. Знаю, некоторые в подобных ситуациях стараются держаться подалше, в тени – как бы чего не вышло. Где-то человек верен своим принципам, а где-то их игнорирует... Он может яростно биться за свою идею, но тут же, угождая кому-то или чему-то, предает товарища, друга. Разве это убежденность, разве это боец? Словом, тогда с нами разобралась только вторая комиссия, которую воз-

главлял Н.К. Байбаков. Позже я узнал, что и на меня все-таки было заведено «дело».

— *Непоправимой ошибки, к счастью, не случилось. Труд вашего коллектива справедливо оценили, отметили высокими наградами. Отметили и вас. Вы — первый советский геолог, который в годы войны получил звание Героя Социалистического Труда, а позже вы были удостоены и первой Государственной премии...*

— Что и говорить, приятно, когда твою работу так высоко оценивают. Но, поверьте, это ко многому обязывало — надо было идти дальше. «Ни на секунду не успокаиваться на достигнутом...» — учил Серго Орджоникидзе. Да, не сумеешь удержать себя от излишних восторгов — сломаешься, зазнаешься, забуксуешь на месте. Не только неудачи надо трезво анализировать, но и победы. Без этого нет движения вперед. Впрочем, нам некогда было упиваться восторгами — нас манила Западная Башкирия, месторождение Туймазы. Нефть там бралась в верхних, каменноугольных слоях — на глубине 1200 метров. Мы же предлагали бурить глубже, идти на девонские слои. Для многих эта идея казалась безумием. Нам говорили: обстановка в стране сложная, идет война — к чему сомнительные эксперименты?

Нет, мы не отказались от своих замыслов, отстаивали их перед самым высоким начальством. Конечно же, знали, что нас ждет в случае неудачи. Но мы верили в свои знания, верили в науку и не ошиблись в расчетах. Первая же глубокая скважина дала больше нефти, чем весь промысел на Туймазах. Так родилось «Второе Баку». Открытие девонской нефти позволило не только бесперебойно снабжать фронт, но и резко увеличить в стране добычу нефти и газа в послевоенные годы.

— *Андрей Алексеевич, с 1957 года ваша жизнь, научная деятельность связаны с Сибирью, Сибирским отделением АН СССР. От ваших коллег знаю, что вас неоднократно приглашали в Москву, предлагали высокие, солидные должности, но тем не менее вы не поддались соблазну, хотя работать в Сибири вам было, вероятно, нелегко.*

— Как я оставлю Сибирь?.. Привлекает не только возможность познания, изучения недр этого края, но и использование их в народном хозяйстве. Привлекают серьезность, масштабность, историчность работ, если хотите. Ведь именно с развитием Сибири связывался и связывается дальнейший прогресс нашей страны.

Кстати, Сибирское отделение было сформировано в кратчайшие сроки — за один год — и вопреки всевозможным прогнозам не только устояло, но и весьма скоро во многом стало задавать тон. В этом немалая заслуга академика М.А. Лаврентьева — главного

организатора сибирской науки. Человек, безусловно, глубоко одержимый: он создал в нашей научной среде деловую, творческую атмосферу. Каждый крупный ученый имел не только самостоятельность, но и возможность реализовать свою программу.

Меня же по-прежнему увлекала нефть. Основоположник советской нефтяной геологии академик И.М. Губкин еще в начале 30-х годов обосновал возможность открытия в Западной Сибири промышленного нефтегазоносного бассейна. Однако не все авторитеты были согласны с ним, считая, что запасы нефти и газа в Западной Сибири невелики, местного, стало быть, значения. Долгое время господствовала именно эта точка зрения. Вот мы тогда и решили разобраться в этом до конца. И оказалось, что прав был Губкин – мой учитель. Мы обосновали перспективы сырья Западной Сибири и стали доказывать, что этот регион в ближайшие годы должен стать новой – причем главной – газонефтедобывающей базой страны, определили стратегические направления поисков нефти и газа, предсказали объемы потенциальных запасов... И тем не менее скептиков, всяких сомневающих хватало.

Сейчас в Западной Сибири – более двухсот месторождений. Из них около ста действующих, которые дают более половины всей добываемой в стране нефти. Только в Тюменской области с начала двенадцатой пятилетки вступили в строй 36 новых месторождений. За счет этого нефтяники страны погасили свою задолженность государству.

Углеводороды занимают особое место в государственной программе «Сибирь», которая, кстати, берет свое начало от ленинского плана ГОЭЛРО, продолжает и развивает его. За последние годы удалось научно пересмотреть реальные запасы нефти и газа в Западной Сибири. Нефти оказалось в два, а газа в три раза больше, чем считали раньше. Только в пределах Западной Сибири ресурсы нефти и природного газа превышают ресурсы США.

Предназначение науки – смотреть вперед, видеть перспективу. Мы говорим: территория Западной Сибири исследована недостаточно полно. Дело в том, что до настоящего времени все месторождения здесь были найдены в меловых отложениях, образованных 90–100 миллионов лет назад. Но давайте спустимся вниз, к более древним отложениям, на «этаж» ниже – и там оказывается нефть!

Перед коллективом Сибирского отделения стоят серьезные задачи: к концу века в Сибири должно добываться 70 процентов нефти и газа, более 50 процентов угля, вырабатываться не менее 18–20 процентов электроэнергии.

Проблема углеводородов – проблема исключительная. Напомним, что углеводороды – пока самое экономичное энергетическое сырье. Уровень и качество использования этого сырья есть показа-

тель уровня и качества развития страны в целом! Тут нет натяжки, преувеличения. Поэтому именно углеводороды – приоритетное направление в нашем институте. Конечно же, нам была известна теория об ограниченности запасов нефти и газа. Думаю, что сибирские ученые, сделав важное научное открытие, успокоили многих скептиков и паникеров. Была установлена способность углеводородов образовывать с водой твердые соединения в вечномерзлых породах – газогидраты. Иначе говоря, твердый газ. Эти уникальные залежи обнаружены во многих местах. Твердый газ существенно увеличивает энергетический потенциал не только Сибири и СССР, но и всей планеты в целом.

– *Андрей Алексеевич, вы еще в 1960 году выдвинули гипотезу о том, что второй нефтедобывающей базой страны станет территория Восточной Сибири и Западной Якутии между Енисеем и Леной. Подтвердились ли ваши прогнозы?..*

– Мне с моими учениками и сподвижниками пришлось отстаивать эту точку зрения на протяжении многих лет. И только в прошлой пятилетке удалось доказать нашу правоту. Но боюсь, еще не все поверили нам до конца. И все же мы уже сейчас должны начать формировать новые предприятия нефтяной и газовой промышленности в районах Восточной Сибири.

Безусловно, добыча углеводородов еще более возрастет за счет Восточной Сибири. Такое сравнение: если в Западной Сибири суммарная нефтегазоносная площадь – около двух миллионов квадратных километров, то в Восточной – более трех миллионов!

В Восточной Сибири добыча полезных ископаемых сложнее, чем в Западной. Значит, тут не обойтись без новой буровой техники. Но особая проблема – транспортная. Скажем, в Западной Сибири транспортные затраты и издержки доходят до 50 процентов. Кроме железной дороги, должен быть экономичный трубопроводный транспорт нефти, природного газа... Практика показывает: нужны конструкции вездеходов разных типов, в том числе и на воздушной подушке, нужен большегрузный транспорт типа вертолетов (гибрид дирижабля и вертолета) и экранолетов. Решение транспортных проблем – вопрос ресурсосбережения. А это – главная тенденция нашей инвестиционной политики, которая корнями уходит в Октябрь.

Уж коль мы заговорили про экономику, то вот еще некоторые цифры для размышления: отдача от работ по программе «Сибирь» сейчас составляет около 2,5 рубля на рубль затрат. Да, сравнительно неплохо. Но это в семь раз (!) меньше, чем можно было бы получить. Каждый рубль, вложенный в геологические изыскания, оборачивается потенциальными ценностями на сумму 40–50 рублей. И это не предел.

Яснее ясного: мы должны повышать коэффициент использования природных богатств, а затраты на их добычу уменьшать. Но это, надо признать, еще нередко остается лишь теорией. Так, прежде чем приступить к бурению скважин, необходимо выполнить различные подготовительные работы. Они отнимают 2–3 года. Представьте, у вас есть все, что требуют инструкции. Как идет освоение? Пробурив, допустим, десять скважин, мы четко видим: под нами – триллионы кубометров газа. Казалось бы, бери и осваивай. Ведь какой спрос на сырье! Но не тут-то было. Чиновник из комиссии по запасам изрекает: пока не пробурите 100 скважин, которые предусмотрены, не приходите! А на это, замечу, потребуется 5–10 лет и плюс затраты. Таковы издержки ведомственной разобщенности. Спрашивается: как же это увязывать с государственными интересами? В военное время такие вопросы решались за несколько месяцев.

А чем измеряется эффективность работы буровиков? Все тот же пресловутый вал живет и ныне. Не важно, какие запасы нефти ты открыл, не важно, какого она качества. В героях ходит тот, кто дал большее количество пробуренных метров. Уму непостижимо!

Весь мир ищет нефть и газ по косвенным признакам – геологическим, геохимическим, геофизическим. В лучшем случае только треть из ста скважин попадает в месторождения. Заметьте: одна скважина стоит 2–3 миллиона рублей. Такое расточительство терпеть больше нельзя. Наука должна и может значительно снизить эти потери. Есть революционные методы поиска – сейморазведка, электроразведка, космическая... Что же нам мешает все это внедрить? Низкие технические средства и отсутствие заинтересованности ведомств в улучшении качества работы, в ее конечных результатах.

Если наука решительно поворачивается к нуждам общественного производства, то производство должно активно воплощать идеи науки. Мы должны стремиться к «монокристаллу» науки и производства, о необходимости которого говорил В.И. Ленин. Таков курс и перестройки.

Если мы действительно ратуем за научно-технический прогресс, то, наверно, надо учитывать и уровень производства развитых стран. То есть ориентироваться на разработку такой техники и таких технологий, которые заведомо совершеннее используемых за рубежом. Это относится к любой отрасли народного хозяйства.

К сожалению, промышленность еще не очень-то интересуется новейшими, а особенно революционизирующими разработками; не везде изжита ведомственность. Но, думается, дела поправятся с переходом на полный хозрасчет на основе самофинансирования предприятий.

— *Вас, Андрей Алексеевич, справедливо считают человеком огромной целеустремленности, большевистской принципиальности и мужества, поистине одержимым человеком. Одержимость, вероятно, ценнейшее человеческое качество, которое способно сокрушать преграды, будоражить умы, пробуждать энергию, увлекать... А вот самого человека обязывает ли одержимость к чему-либо?..*

— Безусловно. Одержимость, как я понимаю, неотделима от нравственности. Одержимость — это особое состояние внутреннего мира личности, стихия души, если хотите. Но тут надо крепко стоять на ногах, дабы не потерять голову. Ведь можно увлечься так, что окажешься в плену иллюзий. От ошибок, конечно, никто не застрахован, но надо иметь мужество вовремя остановиться, не поддаться сиюминутным интересам.

Когда же верх берет не долг, а эгоистические желания, когда во внутреннем мире личности господствуют внешние стимулы — карьеризм, власть, обогащение, когда потеряна нравственная ориентация, то тут одержимость уже другого качества. Человек, побуждаемый благороднейшими целями, идет к ним бескорыстно, нередко терпя нужду и лишения. А человек, одержимый эгоистическими потребностями, может стать социально несостоявшейся личностью. Взять хотя бы такую личность, как Т.Д. Лысенко, который на протяжении многих лет, не считаясь ни с кем и ни с чем, шел напролом, внедряя свои антинаучные концепции. Эта деятельность уже носила преступный характер. Ведь одержимый лжеученый погубил почти весь цвет советской биологии, заморозил многие прогрессивные научные направления. Конечно же, верные науке люди как-то боролись с Лысенко, противостояли ему. К примеру, известный советский генетик Н.П. Дубинин. Но, поймите, это была неравная схватка.

Видите, к каким печальным последствиям может привести подобная — неуправляемая — одержимость. А история с Байкалом? Тоже ведь своеобразный урок.

— *Андрей Алексеевич, как могло дойти до того, что это уникальное озеро сегодня надо спасать от загрязнения? Вы вместе с академиком М.А. Лаврентьевым, членом-корреспондентом Г.И. Галазием и другими учеными не раз били тревогу, говорили об отрицательном влиянии хозяйственной деятельности, которая разворачивалась в бассейне Байкала. Говорили, доказывали, убеждали... и все же...*

— Попробую пояснить. Еще в 1958 году, когда возник нелепый вопрос о строительстве на Байкале целлюлозно-бумажного комбината, сибирские ученые твердо высказались против этого авантюрного проекта.

Почему авантюрного? Потому что знали: как бы заводские стоки ни обрабатывались, они все равно занесут в озеро губительные для его фауны компоненты.

Нас, сибирских ученых, успокаивали, уговаривали, призывали, чтобы дали «добро» на «конвейер смерти», как мы тогда окрестили промышленные стоки. А затем сработал рычаг волевого решения.

Спрашивается: на чем это было основано? Что, на всей территории СССР так и не нашлось другого места для комбината? Тщетно, нас уже не слушали. А тут еще, к сожалению, в академии проявились откровенно одержимые карьеризмом люди, которые, позабыв о гражданской и научной чести, стали во главе с академиком Н.М. Жаворонковым «доказывать» безопасность целлюлозно-бумажного производства для экосистемы озера Байкал.

Академик Жаворонков мыслил с размахом — не один комбинат, а как минимум 2–3 можно ставить! Дескать, Байкал большой, загрязнить его — дело немыслимое... Какая дикая безграмотность...

Хорошо, соорудили комбинат. Ради чего? Где его чудо-продукция? Где его кордная целлюлоза класса «супер-супер» для производства шин? Ведь комбинат не дал ни грамма обещанной целлюлозы. Это наглый обман, и весьма печально, что на него поддались. Печально, что в байкальской истории далеко не до конца принципиальными оказались тогдашние президенты АН СССР М.В. Келдыш и А.П. Александров. Я не хочу сказать, что все наши усилия свелись на нет.

Худо-бедно стали выделять какие-то деньги на охрану озера, было привлечено внимание общественности, да и ретивые хозяйственники не так вольготно себя чувствовали вокруг Байкала.

— В свое время вы хотели возглавить Лимнологический институт. Чем объяснялось столь необычное решение? Вы все-таки геолог...

— Партийность — прежде всего и раньше всего... Дело в том, что директор Лимнологического института член-корреспондент Г.И. Галазий — человек убежденный, принципиальный. Он как мог противился развитию промышленности в бассейне озера. Не всех эта позиция устраивала. Вот и была создана специальная комиссия. На Галазия началось давление. Его уговаривали, чтобы он отступился, признал свои ошибки (!), успокоился, наконец... Галазий отказался от сделки, и в результате — решение об «укреплении руководства». Кому не известно, что оно означает? Чтобы институт не оказался в руках человека, которому были бы чужды интересы Байкала, я и обратился с просьбой о назначении меня директором Лимнологического института. Вероятно, моя решимость заставила задуматься некоторых ответственных работников. Галазия остави-

ли на прежнем месте, но ему и сегодня не дают спокойно работать. Ведь опять была комиссия, и среди прочих ее решений есть решение и об «укреплении руководства института...». Выступая в Иркутске, писатель Валентин Распутин с возмущением говорил: «Что это — месть? И это за его старания спасти Байкал?!» Так ли нам Ленин завещал обращаться с кадрами?

То, что нам завещано Октябрем, еще надо отстаивать и отстаивать. Мы не имеем права пятиться назад, отступать от большевистских принципов, а тем более сейчас, в эпоху перестройки.

— Андрей Алексеевич, а вам не приходилось сталкиваться с такими рассуждениями: мол, тогда, в 20–40-е годы, все было гораздо проще, было ясно, против кого и как бороться. А сейчас? Ведь время совсем иное. Против кого же бороться, от кого защищать идеалы Октября?

— Революция продолжается в борьбе с застоем, с механизмами торможения, она продолжается в трудной борьбе с конкретными социальными противниками перестройки. Наивно полагать, что они канули в Лету. Противники есть. Среди них — иждивенцы, обыватели, люди с мелкобуржуазной психологией — потребители... Им все равно, какие идеи восторжествуют, их все устраивает на белом свете, все, кроме потери питательной для них почвы. Но главный противник — бюрократ. «Партия, — говорилось на XXVII съезде, — должна объявить решительную и беспощадную войну бюрократизму. Владимир Ильич Ленин считал особенно важной борьбу с ним в переломные моменты, во время перехода от одной системы управления к другой, когда требуется максимум деловитости, быстроты и энергии».

Но бюрократы ведь тоже перестраиваются, меняют свою личину: наловчились говорить правильные слова, ратуют за преобразования, словом, как могут, подыгрывают перестройке. А вы присмотритесь к ним в жизни и увидите, как в столкновении с новым, прогрессивным обнажается их сущность. Они уходят от принципиального, творческого разговора, ловчат, прикрываясь всевозможными инструкциями, циркулярами, всю свою энергию направляют на сохранение своих административных позиций, на сохранение своего кресла... Да, с бюрократом бороться непросто. Вот тут-то и должны проявиться наши убеждения, бойцовские качества. Бюрократизм надо изобличать, предавать гласности. Бывает трудно и больно. Но истинные революционеры не гнутся. Лишения, препоны, гонения только закаляют бойцов, увеличивают их энергию, возбуждают силы, с которыми крепнут и мускулы. Успех не приходит без боя. А тылы у нас надежные — развивающаяся демократия, гласность. За молодежью — инициатива, самостоятельность. Сейчас себя можно проявить в любой сфере. Перестройка обязательно

высветит талантливых, способных, думающих людей и выдвинет на авансцену социально активную личность, которая обладает всеми необходимыми качествами для решения самых серьезных задач нашего времени.

У нас нет основания драматизировать положение. Перестройка утверждается, мужает, и мы все больше убеждаемся в том, что встали на верный путь. Перестройка, начатая партией, — это второе дыхание нашей жизни. Перестройка — гимн человеку! Она дает возможность творить, возвыситься над собой, дает понять, что ты не винтик, не робот, слепо исполняющий чужую волю, а творец, создатель. Люди пробуждаются, раскрываются их таланты и способности, общественный интерес становится интересом индивида — создаются предпосылки для формирования всесторонне развитой личности. Все принятые законодательные акты как раз и направлены на это. Вчитайтесь в Закон о социалистическом предприятии. Ведь это поэма о творческом труде. Закон глубоко нравственный, он как бы ненавязчиво подводит нас к мысли, что человек должен стесняться работать плохо, когда ему предоставляются все возможности для самовыражения. И мы должны учиться творить. В этом залог, гарантия успеха перестройки. Творческий труд — двигатель прогресса.

Жить надо так, чтобы и по нам потомки сверяли время. В этом суть одержимости — революционной одержимости.

БЛАГОДАРНЫЙ ОТКЛИК*

Об академике Андрее Алексеевиче Трофимукe писать трудно. По многим причинам. Во-первых, он сам был первоклассным публицистом. Достаточно прочесть его очерк «Alma mater» к 175-летию Казанского государственного университета, в котором он учился. Если пошутить, то смело можно утверждать, что печать не давала ему скучать. С просьбой об интервью к нему обращались десятки, если не сотни журналистов. И для каждого из них он находил не только новую мысль, но и новое слово. Он никогда не был равнодушен к общественному мнению. Казалось, что все болевые точки развития науки и страны проходили через его сердце. Это даже удивляло. Он был постоянно, тотально занят, как директор огромного по академическим меркам Института геологии и геофизики, как многолетний первый заместитель председателя СО АН СССР, как председатель многочисленных комиссий, ученых советов, конкурсов, член редакционных коллегий самых разных научных изданий.

* Нотман Р.К. Преемственность. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 187–199.

Печать не давала ему скучать

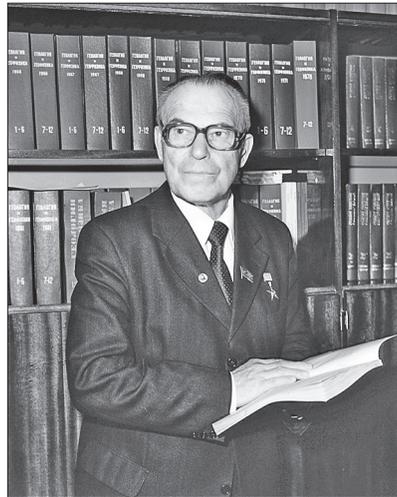
— Зачем вам читать, — однажды спросил у него, — такое множество статей еще в газетах?

— А я и ваши все читаю, — услышал в ответ. — Но не со всеми согласен.

Да он вообще чаще не соглашался, чем соглашался. У него на все было свое, особое мнение. Трофимук по феноменальной эрудиции, по природе своей, по характеру был возмутителем спокойствия. И выразалось это не только в интеллигентном, корректном, академическом несогласии, но и в ударах кулаком по столу в самых высоких кабинетах. Умные руководители, зная о его талантливости, искренности и честности, прощали ему эти «выпады», а чванливые и сановные копили обиды.

Андрей Алексеевич был уже глубоким стариком, когда его в очередной раз наградили. К его многочисленным и самым высоким наградам — только орденов Ленина у него было шесть — это ничто, по сути, не добавляло. У него оставался прежний неукротимый характер, он гневно переживал несправедливое и пренебрежительное отношение власти к науке. Трофимук отказался от награды во времена Ельцина. Этот орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени его словно стыдил и означал примирение с тем, с чем он решительно не соглашался. Как всегда публично, никого не боясь и ни от кого не таясь, он написал, что ему зазорно принимать эту награду из рук главы государства, поскольку он не смог убедить Ельцина и его премьер-министра Черномырдина не проводить столь разрушительных для страны реформ. Его отказ был протестом.

Громким, публичным, даже демонстративным. Для себя он считал важным если не переломить общественное мнение, то, по крайней мере, всколыхнуть его. И он этого добился. Поступок блестящего и очень авторитетного ученого «попал в цель»: отношение к науке хотя и незначительно, но улучшилось. В том числе, предполагаю, и потому, что у Андрея Алексеевича было множество учеников, друзей, коллег и почитателей среди уче-

Более 25 лет А.А. Трофимук был главным редактором журнала «Геология и геофизика»

ных, политиков, журналистов, региональных и столичных руководителей. Никто из них в благородстве и намерениях Трофимука не сомневался. Его авторитет был бесспорен. Трофимук никогда не рвал отношений с теми, кто с ним не соглашался. Он никого не преследовал за инакомыслие. Это, кстати сказать, приводило к тому, что Андрей Алексеевич сам оставался не раз в одиночестве, его точку зрения и позицию никто не поддерживал. Но Трофимук ее все равно не менял, стоял на своем до конца. Он, борец и оптимист, едва ли знал в своей жизни годы без трудностей. Полагаю, что воспоминания о вехах жизни академика Трофимука геолога Валерия Дмитриевича Ермикова, начальника департамента науки СО РАН, только подтвердят это.

Из писем к Брежневу

– В августе 2006 года Андрею Алексеевичу Трофимуку исполнилось бы 95 лет, – рассказывал Ермиков. – Это подвигло нас к одной новации. Мы в журнале СО РАН «Наука из первых рук» завели рубрику, посвященную тем ученым, которые, если формулировать просто, сделали Сибирское отделение РАН. Если судить по масштабу сделанного, то буквально каждый из них – личность крупная, яркая и неповторимая. Одна из самых первых и значительных – Трофимук.

Признаюсь вам: у меня в сейфе сохранились две папки. На одной было написано, что материалы из нее лучше никому не показывать... до поры до времени. Почему? Да потому, что в ней хранились, например, разные письма Трофимука. В частности, Леониду Брежневу. Сейчас, видимо, время пришло, чтобы эту папку приоткрыть. Письма эти полны горечи за судьбу Байкала и негодования по поводу строительства целлюлозного комбината на его берегах. Шла речь в письмах Андрея Алексеевича и о другом: о беспринципной позиции некоторых академиков, которые дали «добро» на строительство комбината. То есть они тем самым «замахнулись на Байкал», содержащий 20 процентов мировых запасов чистой пресной воды, которую оберегать надо при любых обстоятельствах. Та, давняя теперь уже, ситуация напоминает недавнюю, связанную с прокладкой нефтяного трубопровода рядом с Байкалом, когда пришлось президенту страны влиять на окончательное решение. Трофимук был одновременно и нефтяником, и страстным, последовательным защитником природы. Он, конечно, государственные интересы всегда ставил впереди, выше всех остальных – корпоративных, а тем более личных. К этой второй битве за чистоту Байкала Андрей Алексеевич уже умер. Но будь он жив, и в этом нет сомнения, геолог Трофимук, всегда боровшийся за открытие и использование восточно-сибирской нефти, наверняка бы снова

выступил против нефтепровода рядом с Байкалом. Его последовательность не знала исключений и отступлений.

– Открытие месторождений в Восточной Сибири, – продолжал свой рассказ Валерий Дмитриевич, – происходило на моих глазах. Но я помню и другое время, когда ничто еще их не предвещало. Только предположения были, не более. А сейчас там гиганты. Бойцовские качества Трофимука проявлялись во всем с молодых лет: в науке, жизни и даже в отдыхе. В очерке о своей жизни Трофимук рассказывает, что при защите им кандидатской диссертации его официальный оппонент не нашел ни одного достоинства в выполненной работе. Оппонент с какой-то мстительностью и скрупулезностью на каждой странице диссертации находил какие-то мелкие или более крупные недостатки. Трофимук писал: «Под градом замечаний на мое произведение я едва успевал сверять с текстом называемые оппонентом страницы, бегло прочитывать их содержание и сопоставлять с его критикой».

Но Андрей Алексеевич сумел достойно ответить на все замечания, утверждения и выводы и доказал, что критика оппонента «не имеет ничего общего с объективностью». Больше того, Трофимук не побоялся назвать выступление оппонента (а тогда он был единственным) жульничеством. И ученый совет проголосовал единогласно за диссертацию соискателя при единственном отрицательном отзыве – оппонента.

У него все было связано с борьбой. Например, открытие Кинзбулатовского месторождения в Башкирии, расположенного вблизи Ишимбаевских нефтепромыслов. В это время шла война, был 1942 год. Геологи бурят одну скважину за другой, тратят деньги, когда каждый рубль нужен обороне страны, а нефти нет. Но геологи убеждены, что нефть найдут под коралловыми рифами. И они нашли нефть, но не под рифами, а над ними, в уже пробуренной скважине. И здесь забил фонтан нефти, который был в десятки раз больше, чем дебиты всех известных тогда месторождений страны.

Интервью А.А. Трофимука по программе «Сибирь». 1980 г.

КГБ он не испугался

В это время в Башкирии сменили начальника КГБ. Новому начальнику сильно хотелось себя проявить. И по тем временам, естественно, в громком деле... Он прислал комиссию, которая сделала вывод, что геологи хотели скрыть крупное нефтяное месторождение. Но им не удалось, так как ударил такой фонтан, что он выбил кусок породы, и все, мол, выявилось. Возникает вопрос: а кто у геологов главный? Ах, Трофимук... А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

Собрали заседание бюро обкома, на котором все хором подтвердили: да, геологи хотели скрыть месторождение. Трофимук встал и сказал: «Вы — бессовестные люди! Мои геологи проявили героизм, открыли новое месторождение, а вы хотите их посадить?! Я предлагаю другое решение: геологов поощрить, а мне объявите выговор за то, что долго боролся с разливом нефти».

К счастью, на заседании был Байбаков, известный государственный деятель. И очень хороший специалист. Он доказал, что геологи ни в чем не виноваты и проявили героизм. А через два года после открытия месторождения Трофимуку, одному из первых, присвоили звание Героя Социалистического Труда. А война продолжалась. Шел 1944 год.

— Приведу и еще один пример, — продолжал рассказ Валерий Дмитриевич. — Вы помните это время. Когда шла битва против комбината на Байкале, который построили сначала без очистных сооружений. Однако потом и их построили, но плохие. Все это время Трофимук вел борьбу за Байкал. Но созданная по Байкалу комиссия Академии наук СССР во главе с академиком Жаворонковым представила так документы президенту Академии Келдышу, что он их подписал, соглашаясь на строительство у Байкала. Трофимук был этим попросту разъярен. Тем более что в борьбе он был всегда честен. Посылая письма тому же Брежневу, Андрей Алексеевич обязательно уточнял, что все изложенные мысли он уже высказывал публично такого-то числа на таком-то заседании Президиума АН СССР. Тем самым он подчеркивал, что посылает главе государства не жалобу, не донос, не поклеп на кого-то, не пасквиль, а то, что уже многим известно, но меры не принимаются, и губится дело, что нанесет урон стране.

Если обратиться к папке, о которой я уже сказал, то Трофимук по Байкалу отправил Брежневу два письма. В первом он писал про министра Орлова, который доказывал, что Байкалу ничего плохого не будет, если рядом с ним построить целлюлозный комбинат. Трофимук все и всех расставил по местам. В своем письме он сообщил: «Так называемый товарищ Орлов нагло обманывает наше государство. (Обратите внимание на два слова: “нагло” и “наше”. — *Р. Н.*) Он не имеет никакой партийной совести...» В этом

стиле – весь Трофимук. Если задевались интересы страны, то он не церемонился. А потом состоялось заседание Президиума АН СССР.

...Президент академик Мстислав Всеволодович Келдыш шел к своему столу мрачнее тучи. А тут еще Трофимук ему говорит: «Вы – великий ученый, но поступили бесчестно. Вы обещали не принимать решения по Байкалу до обсуждения вопроса на заседании Президиума Академии наук. А вы его приняли... Вы нас нагло обманули». И все эти обвинения сопровождалось стуком кулака Андрея Алексеевича по столу Келдыша. Это, конечно, был не академический стиль.

Потом приехала на Байкал комиссия ЦК КПСС по проверке работы Лимнологического института. Заключение ее было такое: надо усилить руководство Лимнологического института. Тем более что в проекте решения Президиума РАН уже намечалось освобождение от работы директора Лимнологического института академика Галазия, тоже бескомпромиссного борца за чистоту Байкала. Больше того, ему запрещалось проводить исследования по Байкалу, потому что он якобы необоснованно противится освоению природных ресурсов Байкала. Вот тут-то, когда Трофимук узнал о подготовленном проекте решения, он и принялся колотить по столу Келдыша. А потом написал заявление: «В связи с тем, что требуется укрепление руководства Лимнологического института, прошу освободить меня от руководства Институтом геологии и геофизики и назначить директором Лимнологического института». Он готов был на все ради спасения Байкала.

Но власть не решилась на это. Ей, видимо, совсем не хотелось иметь дело с упрямым и решительным Трофимуком на Байкале. При таком директоре академик Галазий покажется ангелом. Нет, на это власть не пошла. Она знала, что Трофимук, защищая Байкал, решится на все: поднимет общественность, напишет десятки непримиримых статей, обратится в ООН, чтобы только не допустить к великому озеру, кладовой страны и всего мира с пресной водой, комбинат с его доходами и отходами.

Однако укрепление руководства Лимнологического института все-таки произошло: члена-корреспондента Флоренсова перевели в Лимнологический институт заместителем академика Галазия. И укрепление произошло на деле. Флоренсов был замечательный ученый, превосходный организатор.

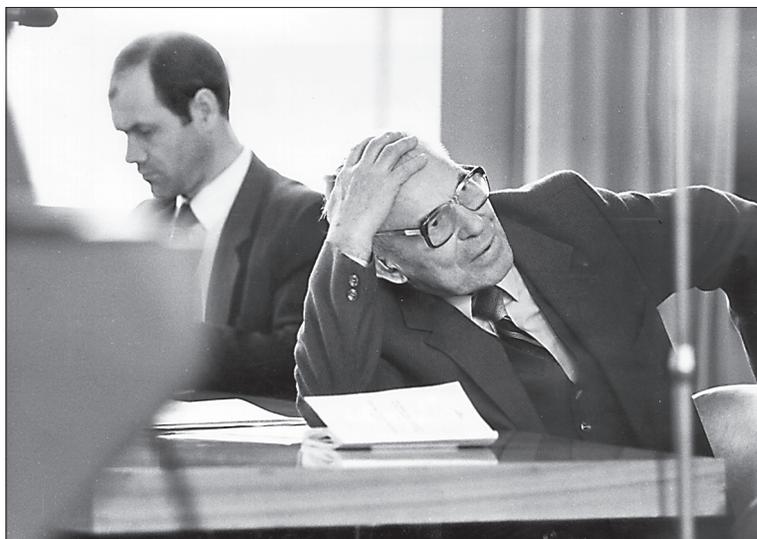
Его боевитость

...Боевитость Трофимука подпитывало многое. А главное, он хорошо знал жизнь людей и страны. Знал по сложившейся судьбе. Родился в белорусской деревне в семье бедняков. В семь лет остался без матери. Потом убили брата. А еще один брат вместе с отцом работал на железной дороге, колеся по городам и станциям Западной

Сибири. По той же судьбе Андрей Алексеевич по рождению белорус и... сибиряк. Нужда и труд были его спутниками с ранних лет.

Его укорененные связи с народом никогда не прерывались. В том числе и во времена, когда Трофимук «оброс» регалиями и высокими званиями. Например, такими, как депутат Верховного Совета РСФСР. Он раз в месяц, ничего не срывая и не перенося, вел прием трудящихся, разбирался с почтой, внимательно всех выслушивая и вникая в каждую деталь очередной просьбы о помощи. Он вызволял сибиряков из тюрьмы, помогал им с жильем, лечением, откликался на городские и другие проблемы. Андрей Алексеевич немало, например, сделал для появления в нашем городе метро. Если поднять архивы сессий Верховного Совета РСФСР, то по ним можно проследить, как регулярно на них выступал Трофимук и говорил о необходимости строительства метро в Новосибирске. Он будто долбил в точку. И... додолбил. Педантизм Андрея Алексеевича был благотворный. Он умел любому «пустяку», если смотреть со стороны, придать государственное значение.

Но все же писать о Трофимукe трудно... В том числе и для меня. В книге «Главный геолог» о нем опубликован и мой очерк ««Триллионер» с несдающей душой». А повторяться не хочется. Хотя обращаться к этой книге придется. Потому что в очерке почти ничего не было рассказано о научной школе академика Трофи-

Идет заседание Объединенного ученого совета наук о Земле СО АН СССР. Председатель – А.А. Трофимук, ученый секретарь – Н.М. Подгорных. 1987 г.

мука – автора занимала тогда личность выдающегося ученого, его масштаб как человека и организатора науки. Но именно в научной школе Андрея Алексеевича и проявлялся в первую очередь его масштаб. Так что без книги «Главный геолог» не обойдусь.

В СО РАН, вспоминал академик Г.И. Марчук, «был создан мощный комплекс наук о Земле, который привлек к себе внимание и исследователей, и руководства страны. Этому коллективу мы обязаны содействием решению проблемы добычи нефти, газа, алмазов, полиметаллов, угля и других полезных ископаемых...»

Это, скажем так, обобщенная характеристика заслуг геологов, которыми руководил Трофимук. Но конкретные факты делают портрет Андрея Алексеевича ярче. В книге их много. Уже на первом собрании научного ядра формирующегося Института геологии и геофизики АН СССР в 1958 году, обращаясь к своим коллегам, Трофимук сказал:

– Я отлично понимаю, что я не лучший среди вас, но ваша слава будет и моей славой.

Приводя эти слова в книге, академик Б.С. Соколов замечает:

– За долгую жизнь я ни разу не слышал подобного обращения научного руководителя к своим ближайшим коллегам, которые формально оставались подчиненными.

Но таков был стиль Трофимука: первый среди равных. Он никогда «не греб» под себя. «Свой» отдел по геологии нефти, который, конечно, был нужен, Андрей Алексеевич создал, когда почти все другие структуры разных направлений были организованы в институте.

Многие ученые в книге вспоминают о научной терпимости Андрея Алексеевича. Но академик Н.Л. Добрецов в книге уточняет: он был «терпим, но до определенных пределов. В вопросах, где он был ведущим специалистом и знал важность проблемы, его бескомпромиссность была твердой и очевидной. В ходе... дискуссий я понял, насколько глубоким мыслителем и знатоком нефтяной геологии был Андрей Алексеевич. Особенно меня поразил факт предсказания А.А. Трофимуком открытия “большой” докембрийской нефти на Сибирской платформе в 1960 году – “на кончике пера”, задолго до накопления большого фактического материала, когда не было пробурено еще ни одной глубокой скважины. Этот прогноз сродни прогнозу моего учителя Владимира Степановича Соболева о крупных алмазных месторождениях, сделанному в 1940 году, и тоже на Сибирской платформе, и тоже “на кончике пера”, задолго до практических работ, на основе обобщения мирового опыта и теоретического анализа».

...Чуть задержимся на примерах, которые привел Николай Лентьевич. Недавно вот снова прочел в центральной газете пренебрежительно-снисходительные слова о том, что наша академичес-

кая наука так и не научилась практически осваивать свои разработки и результаты проведенных исследований. Но я не зря в своем очерке называл Трофимука «триллионером». Если бы он получал хоть какие-то проценты с открытых им месторождений, от сделанных им прогнозов, то он бы и впрямь был не миллиардером, а триллионером. Такие теоретические прогнозы, о которых вспоминает Добрецов, приносят стране столько практической пользы, что они попросту не сравнимы со многими самыми передовыми технологиями. Выгоду от тонн и килограммов, конечно, легче подсчитать, чем от прозрения и ума. Но что ценнее для развития — об этом еще надо хорошо подумать. Для окончательных выводов элементарная арифметика не годится.

Черты личности

— Замечательной чертой Андрея Алексеевича, — вспоминал член-корреспондент Г.В. Поляков, — была его высокая объективность, интерес к различным научным направлениям. Со свойственной ему смелостью и решительностью он часто поддерживал нетрадиционные, не укладывающиеся в общепринятые рамки научные идеи и разработки.

Многие ученики и коллеги Трофимука вспоминают про его высокую нравственность и настоящую, глубокую демократичность. А еще про обаятельность, радушие и доступность в любой обстановке. Такая была среда в научной школе Трофимука. Однажды он ушел в отпуск и попросил академика Юрия Алексеевича Кузнецова заменить его ненадолго на посту директора. Кузнецову эти начальственные функции были чужды, однако он согласился. Трофимук, вернувшись, спросил у Кузнецова: трудно ли ему было исполнять директорские обязанности, не одолели ли его посетители?

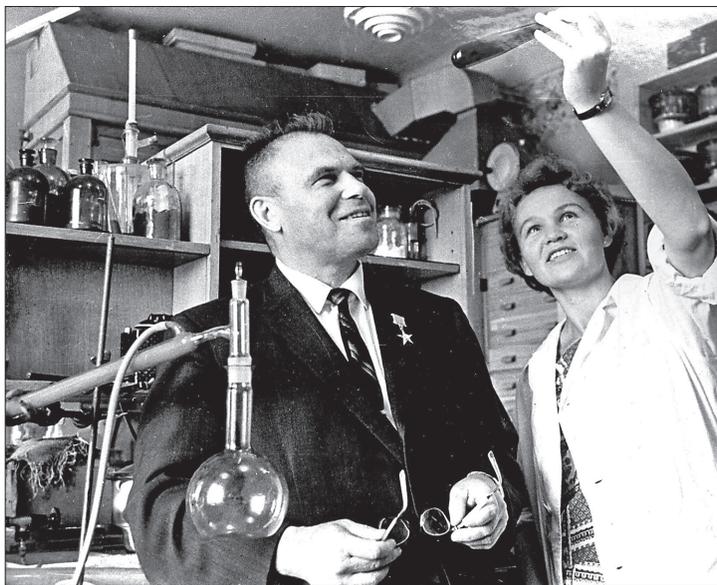
Ответ был такой: «Нет, не трудно, а посетителей почему-то вообще не было. Они, очевидно, терпеливо ожидали вашего возвращения».

Что ж, народ всегда знает, кто решает, а кто только исполняет обязанности. Внимательно и не на один раз прочитав книгу «Главный геолог», я поразился тому, как разнообразна мозаика благодарностей, обращенная в воспоминаниях к Андрею Алексеевичу Трофимуку. Его благодарили за умение увидеть и высветить в обсуждаемой проблеме или работе «что-то очень важное, чего не разглядели и не увидели другие». Его благодарили за строжайшую самодисциплину, позволявшую ему при огромной занятости сохранять высокую научную активность до последних дней жизни. Его ученики ценили, что он «умел рисковать, часто рисковал и очень редко ошибался», что он ко всему относился с вдохновением, «будь то охота, рыбалка или решение сложнейших научных и государственных задач».

О Трофимукe, как легко понять, конечно, заботились. Но себя он не щадил. Едва выкарабкавшись из болезни, а по существу, почти из смерти, он вернулся к прежнему режиму жизни — написал четыре большие работы, ездил в командировки, не считаясь с погодными условиями, выступал с докладами, продолжая поддерживать все новое. Например, новые «прямые» геофизические методы поисков нефти и газа, глубинное сейсмическое зондирование при изучении Байкальской рифтовой зоны, выявление Непского свода и многое другое.

Как строго сформулировано в книге, «диапазон научных и прикладных интересов Трофимука был широким и полностью соответствовал программной направленности созданного им института». Но людей он любил разных — «полностью соответствующих программной направленности», и не полностью, и совсем не соответствующих. И они ему отвечали тем же — любовью.

Мне пришлось много писать о выдающихся и знаменитых ученых. Трофимука из них очень выделяет то, что его признавали, уважали и любили. Как аналитика, как демократа не только по взглядам, но и по повседневным поступкам, как учителя и просто как человека. Возможно, и потому любили, что он мыслил не формулами, а образами. В настоящих геологах это сидит — поэтичес-

Передача образца первой промышленной нефти Западной Сибири в геологический музей ИГиГ. А.А. Трофимук и М.П. Могилева. 1964 г.

В экспедиции в Якутии, 1984 г.
Слева направо: В.С. Сурков, А.Э. Конторович, А.А. Трофимук

кое отношение к природе, романтическое отношение к людям. Его ученики не раз вспоминали, что он «был великолепный полевик и компаньон в геологических маршрутах», абсолютно неприхотливый, скромный и совершенно равноправный участник экспедиции, весельчак и даже вокалист. Трофимук любил петь, но при условии, чтобы ему все подпевали. Но не более того. В науке и в работе подпевал он не выносил и с ними не считался.

Ученики и коллеги, вспоминая Андрея Алексеевича и благодаря его за уроки жизни, отмечают, что для высоких чиновников он был неудобным человеком. Он не заискивал, не молчал, а точнее — не отмалчивался, мнения своего не скрывал, а прямо говорил все, что думал. И он за жизнь нажил немало врагов и недоброжелателей. С несправедливостью смириться не мог. В России до сих пор лучше усмирить, чем отстоять себя и свои взгляды.

Представляю, как тяжело было уходить из жизни Андрею Алексеевичу в то время, когда его любимая геология распадалась и хирела, когда академическую науку перестали ценить, когда нависла опасность распада фундамента науки — научных школ. Физически он справлялся со своими недугами достойно, как сильный человек. Но моральные испытания ему, видимо, одолеть уже не удалось. И он ушел, этот могучий человек, сделавший для страны, науки и Сибири так много, что никаким перечислением и никакими наградами его вклад полномасштабно не оценишь. Многочисленные его ученики-геологи — ученые и производственники по всей Сибири — достойно продолжили его дело. Прогнозы и провидения Трофимука еще не раз вызовут у людей благодарный отклик в будущем.